

ПАРИЖСКИЕ
ВСТРЕЧИ

У русской скульпторши

ОБЕ парадные комнаты, выходящие окнами на улицу, на поминают маленький музей.

На низких лакированных столиках, на полочках шкафов, на этажерках и на камине стоят десятки разноцветных керамических изделий: Мадонны и капуцины, птицы, зайчики и медвежата; елочные подсвечники, миниатюрные солонки, писанки, лампы в виде стилизованных моржей. Застывшие в воздушном полете тонкие балерины; голуби, пастушок со свирелью; подставки для книг; маленькие пепельницы для бриджевых игроков в форме раскрытого дубового листа. Ряд больших бюстов: артиста Художественного театра И. М. Москвина в роли царя Федора Иоанновича; директора одного из парижских театров Жоржа Витали; известного пианиста А. Кугеля; наконец, хорошо знакомого всем русским парижанам — артиста Н. В. Петрункина.

Хозяйка квартиры — Мария Васильевна Хегэн, англичанка по паспорту, но русская по происхождению, любезно нас принимает.

Она родилась в Петербурге. С четырехлетнего возраста ее непреодолимо влекла лепка из глины и воска как реальных предметов, так и отвлеченных, созданных полетом безудержной детской фантазии.

Ей было девять лет, когда ее семья покинула Россию. Последовали долгие годы скитаний и переездов из одной страны в другую: Латвия, Германия, Швейцария. Родители окончательно обосновались в Бельгии, а молодая девушка поступила в лондонский «Институт Искусств». Занятия живописью ее не удовлетворяли. С головой она погрузилась в работу в скульптур-

ных ателье, жадно читая все, что относилось к истории мировой скульптуры. Биографию, например, Микель-Анжело она знала почти наизусть. Часами бродила по бесконечным залам Британского Музея, забыв о времени, отдыхе и еде. Из Англии переехала в Брюссель. Долго работала у известной русской скульпторши, Баржанской.

К весне 1940 года она приготовила ряд экспонатов для предполагавшейся первой выставки ее скульптуры. В мае немцы заняли бельгийскую столицу. С беженской волной, не успев почти ничего захватить, М. В. откатилась на север Франции. Вся работа многих лет погибла без следа. После ряда скитаний, она попала в немецкий лагерь в Лилле, куда свозили отовсюду военнопленных англичанок. Хорошее знание языков дало ей возможность работать в качестве переводчицы. Ей удавалось добиться у лагерного начальства снисхождения, а иногда и больших поблажек, в отношении интернированных женщин. После двухмесячного сидения в лагере, ее освободили. В Париже приходилось заниматься чем попало: давать уроки иностранных языков, разрисовывать и обшивать шарфы, изредка немного лепить. Во время обхода квартир, эсесовцы хотели снова засадить ее, как англичанку, в лагерь Виттеля или Безансона: к счастью, в первый раз ее выручила «охранная грамота», полученная в

Лилле, во второй, — плеврит.

После освобождения Парижа М. В. удалось получить электрическую печь, провести специальную установку в одну из комнат квартиры, и, с помощью кухни, приняться за работу.

Треволнения военных лет не прошли даром. Ранний снег посеребрил ее голову.

Рассчитывать приходилось только на собственные силы.

Препятствия возникали буквально на каждом шагу. В отсыревших за годы оккупации комнатах было трудно работать: стыли пальцы от мокрой глины, холодели ноги. Попадался гипс не всегда нужного качества; было мало форм и «муляжа». Иногда текли краски. Маленькая капля воздуха разбивала при обжиге на мелкие кусочки с трудом сделанную модель. Но одновременно были упорство, вера в себя и неистощимая фантазия в изготовлении моделей. Часто приходилось просыпаться ночью и бежать к электрической печи, — проверять контрольные аппараты, и с тревогой думать о том, как прошла очередная «серия». Первый обжиг длится пять часов при температуре в тысячу градусов; затем происходит остывание в той-же печи в течение 12-ти часов. Мало-по-малу производство удалось наладить, получив ряд заказов от оптовых торговцев кера-

мических изделий. К сожалению, в этой области парижская мода также переменчива, как и в других. Недавно были в большом спросе брошки в виде сердец и голубков. Через несколько месяцев мода на них прошла. Пришлось перейти к другим моделям.

В двух комнатах квартиры, выходящих окнами во двор, помещаются ателье с широкими рабочими столами, склад материалов и две электрических печи. Нам показывают мешки с сухим гипсом и специальную глину для лепки в форме больших раскатанных блинов. Приготовленный гипс заплывает специальные формы, в которых он застывает. Дальше идет просушка и «чистка» моделей, на которых не должно быть ни соринки, ни малейшего пятнышка. Высохшую модель обжигают. Если обжиг прошел удачно, модель раскрашивают от руки специальными эмалевыми красками. Приготовление этих красок очень сложно: процеживание через тончайшее сито, фильтраж, пробы занимают много времени. Раскрашенную модель обжигают вторично, около 4-5 часов. Краски приобретают вид лакированных. Работа окончена.

Многие модели делаются сперва вручную: самые маленькие по размерам — технически самые трудные. Если модель вышла хорошо, переходят на серийное производ-

ство. Процент брака доходит до 25, для больших вещей — еще выше. (Рассказывают, что даже на знаменитой Севрской мануфактуре, богатой оснащенной по последнему слову техники, приблизительно только две пятых приготовленных изделий выходит в свет: контроль исключительно строгий и производится старыми и опытными специалистами). Расходы по производству, покупка материалов, уплата патента и налогов, — очень велики: за одно электричество для печей приходится уплачивать около 30 тыс. в месяц.

Сезонные модели нужно готовить заранее: изделия с изображением Деда-Мороза, пасхальные писанки, маркизы для ламп, брошки разных моделей. Теперь заказывают разноцветные кафельные плитки с скульптурными украшениями. Каждый из русских парижан, наверное, заметил эти художественно-сделанные «вечные рекламы» на стенах больших станций метро. Довольно велика конкуренция. Можно производить обжигание и при 800 градусах, что и делают некоторые ателье. Эти изделия продаются дешевле, но они более хрупки. Значительная часть заработка попадает оптовикам, которые располагают сетью представителей в больших городах и в провинции; часто приходят и заграничные заказы.

Несмотря на большую европейскую художественную школу, М. В. на всю жизнь сохранила тяготение к русскому народному творчеству. Фигуры сделанных ею, крестьянок, детишек, пастухов, ярко-расписанные «матрешки», прекрасно передают русский быт.

Иначе, пожалуй, и не могло быть.
В. Антонов.

РН-13.06.52